

УДК 81'42

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ В ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Елена Александровна Баженова
профессор кафедры русского языка и стилистики
Пермского государственного университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bazhenova_e2000@mail.ru

В статье рассматривается соотношение дискурсивного анализа и теории функциональных стилей. На основе сходства основополагающих методологических принципов данных лингвистических направлений предлагается дискурсивно-стилистический подход к изучению научного текста. Дискурсивная составляющая такого подхода соотносится с исследованием экстралингвистических факторов научной коммуникации, стилистическая составляющая – с изучением языковых средств репрезентации научного содержания. В качестве экстралингвистической модели научного текста рассматривается эпистемическая ситуация в единстве онтологического, методологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов научно-познавательной деятельности. Каждый из компонентов анализируется с учетом его речевой репрезентации посредством особой структурно-смысловой единицы – субтекста.

Ключевые слова: функциональная стилистика, дискурс, дискурсивный анализ, научный текст, экстралингвистические факторы, дискурсивная модель научного текста, субтекст.

Признавая значительный вклад теории дискурса и дискурсивного анализа в исследование такого сложного феномена, как текст, мы тем не менее хотели бы напомнить, что многие из положений, разработанных в рамках этого направления, были сформулированы и – более того – успешно реализованы в функциональной стилистике, основные положения которой провозглашены М.Н.Кожиной в работах 60-х – 70-х гг. XX в.

Действительно, термин «дискурс» стал обозначать «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте», «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137], лишь начиная с 90-х гг., в то время как необходимость «выхода» за пределы языковой системы в широкий социокультурный контекст при анализе речевого произведения постулируется уже в шестидесятые годы как *методологическое основание* функциональной стилистики, отличающее ее от традиционной стилистики (стилистики ресурсов). См.: «Речь, точнее стиль речи, как явление, обусловленное экстралингвистическим и теснейшим образом с ним связанное, необходимо изучать под углом зрения этого внелингвистического, не боясь нарушить «чистоту» лингвисти-

ческого в стилистике речи, ибо только это экстралингвистическое дает возможность выявить и действительно лингвистическую специфику» [Кожина 1968: 198].

Этого важнейшего принципа функциональная стилистика последовательно придерживалась на протяжении всей своей почти полувековой истории: и когда анализировались преимущественно дотекстовые единицы, и тем более, когда центральным объектом исследования стал текст, причем «текст (речь) в его собственной природе, а не как материал для извлечения и построения модели системы языка» [Кожина 1985: 6]. Изучение текста «в его собственной природе» предполагает принципиальную многоаспектность анализа, т.е. применение комплексного метода исследования, в рамках которого собственно лингвистическая онтология текста рассматривается как производная от широкого круга экстралингвистических факторов – социальных и культурных условий его функционирования. Пожалуй, можно утверждать, что *де факто* предметом исследования в функциональной стилистике был и остается именно дискурс, дискурсивная деятельность, зафиксированная («опредмеченная») в тексте и понимаемая как речемыслительная деятельность, которая осуществляется средствами

языка и протекает в основных сферах жизнедеятельности человека – науке, искусстве, политике, праве, религии, а также в сфере быта.

Важно, что лингвостилистический подход предполагает исследование *целых* текстов в единстве поверхностной и содержательно-коммуникативной сторон (т.е. во взаимодействии линейного и глубинного «планов» текста) с учетом детерминированности смысловой структуры произведения экстралингвистическими факторами. М.Н.Кожина обоснованно утверждает, что целый текст «нельзя осмыслять (и изучать) вне его смысловой, содержательной стороны, невозможно (просто недопустимо) не учитывать целого ряда его коммуникативных параметров: замысла, концепции, цели общения, фонда знаний коммуникантов, субъекта речи, адресата и др., а на поверхностном уровне – текстовой организации, композиции, принципов и приемов развертывания текста, обусловливаемых указанными и другими экстралингвистическими факторами» [Кожина 1995: 37].

В современной лингвистике утвердилось мнение, что дискурс и текст соотносятся друг с другом как общее и частное, что «дискурс – более широкое понятие, чем текст» [Кибрик, Плуныян 1997: 307], являющийся «детищем дискурса» (Е.С.Кубрякова) и представляющий собой результат процесса письменной речи, завершённое произведение, рождённое в ходе дискурса и имеющее, наравне с дискурсом, свои коммуникативные векторы [Каменская 1990]. Отсюда можно полагать, что к исследованию и текста и дискурса применимы общие подходы. В связи с этим мы считаем обоснованной точку зрения Т.В.Дроздовой, подчеркивающей, что «не следует проводить жесткой границы между текстом и дискурсом» [Дроздова 2003: 66], что у этих двух понятий, наряду с противоположными свойствами, есть также ряд сходных характеристик, позволяющих применять отдельные положения дискурсивного анализа к анализу текста, и в частности те из них, которые требуют выхода за пределы самого этого письменного произведения [там же].

Вопрос о соотношении дискурсивного анализа и функциональной стилистики был впервые поставлен и всесторонне рассмотрен в одной из работ М.Н.Кожина [Кожина 2004]. Не отождествляя эти направления современной лингвистики, М.Н.Кожина в то же время подчеркивает, что «они очень близки между собой» [там же: 29], поскольку оба реализуют «речеведческий аспект теории языка» [там же. Разрядка автора. – Е.Б.]. Помимо этого, сходство дискурсивной теории (в ее французском варианте) с отечественной теорией функциональной стилистики

М.Н.Кожина видит в общих параметральных признаках ключевого понятия каждой из теорий. Стремясь не исказить существа излагаемой позиции, намеренно приводим развернутую цитату:

«Общие параметральные признаки ключевого понятия (дискурса и функционального стиля):

- **динамизм**, процесс *использования* языка, когнитивно-речевая деятельность;
- детерминация изучаемого объекта экстралингвистическими факторами, условиями производства речи (высказывания);
- принцип *системности* при использовании языковых средств; взаимосвязь последних, эксплицирующая специфику дискурса и функционального стиля;
- *историзм* как дискурса, так и функционального стиля;
- тексты (письменные и устные) как результат речевой (дискурсивной) деятельности (воплощенность ее в текстах) и в то же время материал исследования;
- междисциплинарный метод анализа» [там же: 25-26. Везде выделено автором. – Е.Б.].

Вышесказанное свидетельствует об общности методологических принципов дискурсивного и функционально-стилистического анализа, что может рассматриваться как основание для их объединения и исследования текста с позиций *дискурсивно-стилистической* парадигмы.

Применительно к научной коммуникации *дискурсивная* составляющая такой парадигмы позволяет учесть экстралингвистический контекст порождения текста, прежде всего структуру познавательной деятельности и ее результата – научного знания, а также структуру речевого акта в научной сфере с присущими ему признаками взаимодействия коммуникантов. *Функционально-стилистическая* составляющая позволяет выявить способы вербального представления ментальных смыслов на поверхностном уровне текста с учетом его прагматической направленности, а также определить языковые и текстовые единицы, специализирующиеся на вербализации интеллектуальной информации.

В целом, изучение текста в рамках дискурсивно-стилистического подхода связано с решением вопроса, каким образом различные коммуникативно-познавательные процессы в их широком экстралингвистическом контексте отражаются в языковой и смысловой организации текста, обуславливая его стилевую специфику. При этом *смысловую структуру* текста мы рассматриваем в единстве ее формально-языковой и содержательной сторон, т.е. как многомерную иерархическую организацию произведения, подчиненную авторскому замыслу, обусловленную

комплексом экстралингвистических факторов, отражающую типовое содержание определенной сферы общения и деятельности, формирующую стилевую специфику данной разновидности текста и выраженную в его поверхностной стороне.

Далее представим наше понимание типовой смысловой структуры научного текста в ее детерминированности комплексом экстралингвистических факторов, отражающих специфику научно-познавательной деятельности и функционирования знания в научной коммуникации. Подчеркнем, что адекватное описание смысловой структуры текста возможно лишь при условии, если экстралингвистические факторы, внешние по отношению к текстообразованию, понимаются как внутренние, преобразованные во взаимодействии с конкретным содержанием излагаемого научного знания.

Среди экстралингвистических факторов, оказывающих систематическое влияние на процесс текстообразования в научной сфере и характер смысловой структуры произведения, важнейшую роль играют компоненты научно-познавательной деятельности, обобщенные в понятии *эпистемической ситуации* (ЭС). Развивая концепцию М.П.Котюровой, которая выделила в ЭС *онтологический, методологический и аксиологический* аспекты [Котюрова 1988; 1996], считаем необходимым дополнить ЭС *коммуникативно-прагматическим* аспектом, связанным с вербализацией полученного знания, его ориентацией на адресата и вхождением в глобальный континуум науки. Именно текст, находящийся на пересечении двух типов коммуникативного взаимодействия – одного ученого с другим и одного этапа в развитии отрасли знания с последующим, способен обеспечить работу сложного механизма науки. Вне текста (точнее, до текста) мысль существует лишь в форме субъективного состояния сознания индивида, она «не является общезначимым социальным фактором и, следовательно, не может стать предметом объективного научного анализа» [Васильев 1988: 4]. В силу того что научное познание ориентировано на коммуникацию, ЭС соотносится не только с собственно познавательной, но и с текстообразовательной деятельностью ученого, в результате которой когнитивное преобразуется в коммуникативное и новое знание обретает «голос», чтобы быть услышанным. Значит, познавательная деятельность всегда протекает как *коммуникативно-познавательная*, ориентированная на создание научного текста. В качестве еще одного аргумента в пользу нашей позиции приведем мнение Т.М.Дридзе, подчеркивающей, что «именно в тексте (сообщении) представлена вся структура познавательно-коммуникативной деятельности в

ее мотивированности и целесообразности» [Дридзе 1980: 57]. С учетом вышесказанного считаем необходимым включить в ЭС *коммуникативно-прагматический* аспект, связанный с вербализацией полученного знания, его ориентацией на адресата и вхождением в глобальный континуум науки.

Другое уточнение состава компонентов ЭС касается содержания того аспекта, который М.П.Котюрова называет «аксиологическим». На наш взгляд, оценочная деятельность ученого является частью его рефлексии – многообразного самоотображения субъекта познания как компонента научной картины мира. При этом рефлексия проявляется не только в ценностной ориентации автора на пространстве старого и нового научного знания, но и во взглядах и представлениях ученого, его идеалах, убеждениях, жизненной позиции, волевых и эмоциональных побуждениях, психологических установках и др. Иными словами, рефлексия выявляет весь спектр личностных качеств исследователя, актуальных для его научной деятельности, поскольку центром познания всегда выступает индивид как творческая личность с неповторимым набором психических свойств и собственным познавательным стилем. Все это обуславливает целесообразность вычленения в ЭС *рефлексивного* аспекта, включающего, помимо собственно аксиологического, также психологический компонент, который связан с чувственным, эмоциональным состоянием субъекта научного творчества. Очевидно, что личностно-психологическое начало свойственно в большей степени самой дискурсивной (а именно, научно-познавательной) деятельности, чем тексту, являющемуся «рафинированным» продуктом научного творчества. Вместе с тем в тексте всегда остаются «следы» авторской рефлексии, поскольку, как справедливо отмечает А.С.Архангельская, «отсутствие личностных моментов не просто лишает научный труд обаяния индивидуальности, но приводит к ощутимым потерям в содержательном плане» [Архангельская 1980: 66]. Более того, автор призывает преодолеть предрассудок, согласно которому движение современной науки ведет ко все большей жесткости, обезличенности изложения и формализованности языка, поскольку наука – это живая человеческая практика, вбирающая в себя и страсть, и радости, и трудности, обнаруживающиеся в стиле выражения мыслей [там же: 75]. В ряде стилистических исследований убедительно доказано, что авторское «Я» получает эксплицитное выражение в современных («нестерилизованных») научных текстах [см., напр.: Шиукаева 1982; Погудина 1983; Кожина 1986; Котюрова 1988; Лапш 1993 и др.].

Итак, с учетом сделанных дополнений эпистемическую ситуацию можно определить как совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического аспектов, оказывающих систематическое влияние на формирование научной речи, реализованных в научном тексте и определяющих его стилевую специфику.

Следует оговориться, что названные аспекты являются научной абстракцией. Ср.: «Эпистемическая ситуация членится на соответствующие смысловые компоненты лишь в целях анализа, поскольку непрерывность знаний основывается на относительной устойчивости и неделимости эпистемических образований как качественно определенных целостностей» [Котюрова 1988: 343]. В то же время реальный процесс познания проходит при последовательной или параллельной актуализации определенного аспекта, связанного с объектной либо субъектной сторонами научной деятельности. (Объектную сторону представляют онтологический и методологический аспекты ЭС, субъектную – рефлексивный и коммуникативно-прагматический аспекты.)

Таким образом, в рамках нашего подхода эпистемическая ситуация, включающая комплекс существенных признаков познавательной деятельности и детерминирующая текстообразование, может быть рассмотрена в качестве универсальной метамодели научного дискурса. Эта модель демонстрирует системный характер экстралингвистических факторов научной речи и позволяет понять их влияние на формирование как глубинной, так и поверхностной структуры текста. В связи с этим закономерно предположить, что смысловая структура текста соотносится с поликомпонентной структурой ЭС в единстве составляющих ее аспектов.

В дискурсивной деятельности субъекта содержание ЭС представлено целостно и нерасчлененно – в виде теоретически осмысленного образа действительности. В тексте же интеллектуальное содержание сознания «переоформляется», подчиняясь законам текстообразования. См.: «Развертывание замысла в полный текст должно осуществляться в определенной последовательности... Содержание, которое должно быть выражено в тексте, не может быть представлено в нем в том же виде, в котором оно существует в мышлении. Это содержание, будучи мыслительным образованием, организуется на основе своих закономерностей, направленных на обеспечение оперативности мышления, его экономности и т.д. Оно симультанно... В тексте же оно может быть

выражено только в виде последовательности языковых единиц, репрезентирующих дискретные фрагменты этого содержания. Поэтому мыслительное содержание, подлежащее выражению языковыми средствами, должно быть определенным образом расчленено и организовано в соответствии с закономерностями линейной структуры текста» [Новиков 1983: 25].

Подчиняясь вышеописанной закономерности, мыслительное содержание онтологического, методологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического аспектов ЭС проецируется в сферу языка и репрезентируется в тексте особыми знаконосителями. Для каждого аспекта выбирается свой способ языковой номинации – лексический (посредством слова или словосочетания), пропозициональный (посредством предложения) или дискурсивный (посредством относительно самостоятельного текста). Функциональная и семантическая общность рассредоточенных по пространству произведения языковых номинаций позволяет объединить их в специфические структуры научного текста – субтексты, выражающие разноаспектное содержание научного произведения. Субтексты определяют смысловую многомерность и композиционную членимость произведения, эксплицируют развитие нового знания и обеспечивают его доведение до адресата. Комплекс типовых субтекстов обуславливает относительное единство и стандартность построения научных произведений при их вариативности в определенных пределах. Взаимодействуя друг с другом, субтексты формируют особое качество текста – в нашей терминологии, *политекстуальность* [Баженова 2001]. Представляется, что понятие политекстуальности позволяет ответить на вопрос, как соотносится содержание «предтекстовой» дискурсивной деятельности субъекта познания с содержанием научного текста и его смысловой структурой, что в свою очередь способствует более глубокому пониманию стилистико-речевого устройства научного произведения.

На наш взгляд, термин «субтекст» удобен тем, что его морфемный состав уже раскрывает содержание понятия: суб- – *лат. sub-* – ‘подчиненный, расположенный под чем-либо’, т.е. субтекст – это часть текста, подчиненная целому. Определяя субтекст, мы опираемся на известные в языкознании, разработанные относительно единиц разных уровней языковой системы концепции текстовых категорий. Наиболее ценными для нашего исследования являются следующие характеристики категории: 1) ее знаковый характер, т.е. наличие плана содержания и плана выражения; 2) общая семантическая и стилистическая функция; 3) вариативность конституентов

категории, т.е. наличие общего значения, распадающегося на ряд более частных значений, эксплицированных разноуровневыми языковыми средствами. Перечисленные признаки в силу их достаточно обобщенного характера, очевидно, могут быть отнесены не только к дотекстовым единицам языка, но и к более крупным структурообразующим компонентам целого текста, в частности к субтекстам.

С учетом вышесказанного субтекст мы рассматриваем в качестве 1) типовой структурно-смысловой единицы текста, функционально детерминированной экстралингвистическими факторами научной речи; 2) способа «проекции» на целый текст содержания дискурсивной деятельности субъекта познания. Кроме того, субтекст характеризуется предикативностью (если под предикацией понимать вербальный акт, с помощью которого автор «вписывает» в окружающую действительность отраженную в его сознании научную картину мира), а также множественностью способов языкового выражения мыслительного содержания. Подобно всякому знаку, субтекст обобщает, и это обобщающее свойство проявляется в его относительной устойчивости в рамках композиционно-смысловой структуры произведения. Таким образом, *субтекст* – это относительно самостоятельная структурно-смысловая единица целого научного текста, являющаяся средством речевой реализации онтологического, методологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического аспектов ЭС и имеющая свою целеустановку в рамках авторского замысла. В свою очередь смысловая структура научного текста может быть определена как система субтекстов, в совокупности отражающих ЭС и примененных в едином коммуникативном акте. Подчеркнем, что в реальном тексте – хотя аспекты излагаемого знания и могут быть «разведены» – субтексты синтезированы и составляют единство.

На поверхностном уровне субтексты получают выражение посредством разноуровневых единиц: относительно самостоятельных текстов (напр., аннотация, предисловие, заключение и др.), отдельных текстовых фрагментов (напр.: «Введение проблемы», «Экспликация гипотезы», «Аргументация», «Выводы» и др.), а также совокупностью дотекстовых единиц, рассредоточенных по пространству текстовой ткани и объединенных общими семантическими и функциональными признаками.

Интеграция субтекстов в единую политекстуальную структуру обуславливает возможность существования таких, казалось бы, взаимоисключающих свойств текста, как монолитность и членимость. Монолитность текста выражает

стремление автора объективировать результат проведенного исследования и целостно представить полученное научное знание. Членимость текста обеспечивает сегментацию знания посредством актуализации его отдельных аспектов. Политекстуальная структура произведения позволяет автору разграничивать старое и новое знание, активизировать фоновые знания читателя, акцентировать внимание на этапах и способах решения проблемы, «включать» в работу механизм оценки, управлять процессом восприятия текста и др.

Далее конкретизируем наше представление о политекстуальном устройстве научного произведения.

В академических жанрах научной речи (монографиях и статьях) дискурсивная метамодель эпистемической ситуации получает реализацию в следующих типах субтекстов (СТ): *СТ нового знания*, *СТ старого знания*, *методологическом СТ*, *СТ оценки*, *СТ авторизации*, *СТ адресации* и *периферийном СТ*. Кратко охарактеризуем каждый из них.

СТ нового знания представляет собой развернутую, композиционно оформленную в соответствии с авторским замыслом речевую структуру, реализующую онтологическое (предметное) содержание полученного знания, составляющую «тело» целого текста и подчиняющую себе все другие компоненты политекстуальной системы. Подчеркнем, что новым мы называем знание, полученное лично автором, впервые объективированное в порождаемом тексте и диалектически противопоставленное предшествующему (старому) знанию. Важнейшими признаками нового знания являются его эвристичность и персонафицированность.

Развертывание СТ нового знания детерминируется основными этапами научно-познавательной деятельности, которая включает проблемную ситуацию, проблему, идею / гипотезу, аргументацию, вывод / закон. Другими словами, посредством этого СТ в произведении реализуется логика развития научной мысли автора и его коммуникативная установка на адекватное представление интеллектуальной информации с целью изменения научных взглядов адресата.

СТ старого знания репрезентирует когнитивный фон нового знания: вводит в текст предпосылки авторской концепции, знакомит читателя с ценным содержанием накопленного ранее научного опыта, обеспечивая тем самым непрерывность и преемственность процесса познания. В отличие от прочих единиц политекстуальной системы, субтекст старого знания, во-первых, имеет иную исконную принадлежность, т.е. является иносубъектным компонентом смысловой

структуры; во-вторых, выражает парадигматическую соотнесенность текста с другими произведениями; в-третьих, обладает потенциальной автономностью, т.е. может быть изъят из текста без потери его коммуникативно-познавательной ценности; наконец, имеет формально очерченные границы и сопровождается ксенопоказателями – маркерами чужой речи.

В составе СТ старого знания отчетливо выделяются *прецедентные тексты* – кванты старого знания (законы, теории, гипотезы, теоремы, принципы, методы и др.), которые вошли в дисциплинарный фонд той или иной науки «под именами» их авторов, превратившись в терминологизированные понятия, владение которыми является условием профессиональной компетенции каждого ученого, а значит, залогом взаимопонимания автора и читателя. Например: *таблица Менделеева, теорема Пифагора, теория относительности Эйнштейна, ноосфера Вернадского, ergon и energia Гумбольдта, la langue Соссюра, метатекст А.Вежбицкой* и др. Прецеденты обладают большой семантической емкостью при минимальной формальной вместимости, так как являются результатом компрессии содержания исходных текстов и формой их метонимической замены (по выражению М.М.Бахтина, «аббревиатурой высказывания»).

Как видим, прецедентные тексты маркируются именами ученых, заслуживших общепризнанный авторитет в научном мире. К этим именам апеллируют как к конвенционально закрепленному знаку достоверного знания, в связи с чем прецеденты вызывают «эффект ореола» [Сорокин 1985: 73], т.е. они способны воздействовать на адресата силой самого имени. Как отмечает М.Фуко, «имена собственные – прецедентные тексты – индикаторы, которыми маркируются дискурсы, чтобы быть принятыми в качестве доказанных» [Фуко 1996: 24].

Благодаря *методологическому СТ* предметное содержание авторской концепции предстает перед читателем именно как научное знание, поскольку единицы этого СТ репрезентируют принципы, методы и методики проводимого исследования, способы обоснования нового знания, т.е. обеспечивают когнитивную «упаковку» онтологического содержания. Кроме того, методологический СТ выполняет функцию членения интеллектуальной информации на кванты смысла с акцентированием основных логических этапов развития авторской мысли.

СТ оценки, посредством которого вербализуется аксиологический компонент ЭС и выражается оценочное содержание научного произведения, представляет собой совокупность разноразных языковых единиц, объединенных се-

мантикой оценки и функцией аксиологической квалификации излагаемого знания. Как известно, в научном тексте преобладает рациональная оценка, выражающая интеллектуализированное отношение автора к старому и новому знанию с учетом его соответствия нормам и требованиям, выработанным в ходе исторического развития науки и научного стиля. В научном дискурсе стандарт оценок формируется представлениями об идеальном научном знании, обладающем признаками новизны, значимости и достоверности. Эти ценностные категории и составляют важнейшие аксиологические смыслы научного текста, получающие конкретизацию в частнооценочных значениях известности / неизвестности, актуальности / неактуальности, разработанности / неразработанности, точности / неточности, обоснованности / необоснованности, допустимости / недопустимости и мн. др.

Немногочисленные примеры эмоциональной оценки обычно встречаются в текстах (или фрагментах текста) полемического характера и выражают различные оттенки одобрения / неодобрения, восхищения, удивления, осуждения и т.д., см.: *очень странное заявление; вдохновляющее определение; в этом нет ничего порочного; великодушный теоретический анализ; привлекательные черты модели*. Однако даже в случае самой острой полемики эмоциональность автора всегда оказывается под контролем его логического мышления.

Оценочные единицы научного произведения обладают текстообразующим потенциалом и обеспечивают перспективу изложения. Языковой механизм развертывания текста с учетом этой функции оценочных средств детально рассмотрен в работе Н.Д.Арутюновой [Арутюнова 1999].

Как отмечалось выше, дискурсивная деятельность в научно-познавательной сфере характеризуется не только интеллектуальным, но и личностно-психологическим содержанием, связанным с чувственными переживаниями познающего субъекта, которые сопровождают творческий процесс поиска и обоснования нового знания. В силу непосредственной связи дискурсивной деятельности и текста в последнем находит выражение и субъектная сторона ЭС, ведь текст, по словам М.М.Бахтина, есть «производное от личности и человеческой индивидуальности» [Бахтин 1979: 281].

В результате развития научного стиля в нем оформилась группа стереотипных, стилистически маркированных единиц, выполняющих функцию выражения авторского «Я» и фиксирующих психологические установки автора, его чувства и переживания. Функциональная и семантическая общность данных единиц позволяет

объединить их в отдельную смысловую подструктуру – *СТ авторизации*, представляющий собой совокупность средств выражения авторского «Я», а также психологических состояний субъекта в процессе получения и вербализации нового знания (напр.: *насколько можно судить по нашему опыту, предложим свой вариант определения, думается, мы допускаем возможность, не подлежит никакому сомнению, мы убеждены, совершенно очевидно, не удивительно, если можно так выразиться, строго говоря, в первом приближении будем называть* и мн. др.).

Смысло- и текстообразующий потенциал *СТ авторизации* заключается в его способности создавать модальную рамку для понятий, суждений и умозаключений. Так, квант нового знания, полученного лично автором и впервые представляемого адресату, обычно обрамляется модальной рамкой сомнения; по мере продвижения аргументации или доказательства гипотезы модальность изложения меняется в сторону выражения большей уверенности автора в объективности добытого знания. Предпосылочное знание, послужившее фундаментом концепции, как правило, «окрашено» авторской уверенностью в достоверности его содержания. Таким образом, модальная информация, выраженная средствами авторизации, способствует адекватному вхождению нового в общий фонд науки.

Не вызывает сомнения, что научное произведение выполняет свою коммуникативную задачу лишь в том случае, если содержащаяся в нем интеллектуальная информация адекватно воспринимается адресатом. Поэтому автор, ориентируясь на определенный уровень подготовленности потенциального интерпретатора, стремится в той или иной мере предусмотреть его возможные реакции и сверяет свой замысел с формой его воплощения в тексте. Напомним, что дискурсивная метамоделль ЭС включает, помимо онтологического, методологического и рефлексивного, также коммуникативно-прагматический аспект, который связан с созданием конечного продукта научного творчества – текста, т.е. с поиском наиболее точной формы речевого воплощения полученного знания и наиболее эффективной организацией текстового пространства. Решение этих задач во многом достигается благодаря специфическим «упаковочным» субтекстам – *СТ адресации* и *периферийному СТ*, которые обеспечивают прагматическую коррекцию полученного знания на пути его представления адресату.

Для вербализации собственно научного содержания произведения эти *СТ* избыточны: они не выражают новой интеллектуальной информации и характеризуются относительной независи-

мостью от эпистемического контекста. Однако в отношении изложения научного содержания в соответствии с принятым образцом, а также с учетом ожиданий адресата названные *СТ* безусловно необходимы. При их непосредственном участии расчленяется поток научного знания и осуществляется «авторская сортировка сообщаемых сведений» [Апресян 1988: 33], проясняются лабиринты научной мысли исследователя и обеспечивается ориентация читателя на текстовом пространстве.

Полифункциональный *СТ адресации* 1) «надстраиваясь» над собственно научным содержанием, оформляет его в виде информативно ясного речевого сообщения; 2) обеспечивает связь контактно или дистантно расположенных фрагментов текста, одновременно актуализируя динамику научной мысли автора в ходе решения проблемы; 3) эксплицирует логико-композиционную структуру научного содержания; 4) маркирует наиболее значимые фрагменты излагаемого знания; 5) управляет вниманием читателя, создавая мнемические опоры для адекватного восприятия интеллектуального содержания. В целом, этот *СТ* направлен на активизацию коммуникативно-познавательной деятельности читателя в процессе усвоения собственно научной информации, а также на создание благоприятных условий для «диалогической гармонии» (Н.С.Болотнова) между автором и адресатом.

Приведем примеры единиц, выполняющих перечисленные функции: *как указывалось выше, как следует из вышеизложенного, как уже многократно подчеркивалось, как будет показано ниже, далее речь пойдет о, ограничимся изложением общих параметров, бегло коснемся еще одного вопроса, исключим из рассмотрения нерелевантные признаки, оставим в стороне вопрос о, напомним, еще раз вернемся к вопросу о, рассмотрим, проиллюстрируем, подведем итог сказанному, сформулируем вывод, подводя итоги* и мн. др.

Абстрагированные от собственно научного содержания, средства адресации представляют собой логические цепочки различной длины, которые устанавливают отношения между смежными, близкими или дистантными фрагментами текста и маркируют развитие мысли, а также – в контексте целого произведения – его композиционно-смысловое развертывание [см.: Матвеева 1990: 39 – 43]. Научная статья может содержать одну сквозную цепочку, указывающую на последовательность раскрытия темы (начало ® продолжение ® завершение), в монографии же, как правило, подобные цепочки обеспечивают связность внутри разделов, глав или параграфов.

Как видим, СТ адресации обеспечивает связность текста как целого и придает изложению смысловую и композиционную упорядоченность.

Периферийный СТ, представленный комплексом информационно вторичных текстов и текстовых фрагментов (аннотацией, предисловием, заключением, библиографическим списком и оглавлением), является «проекцией» всей политекстуальной смысловой структуры основного текста на ситуацию вербально-научной коммуникации. Дублируя содержание основной части в целях достижения максимальной точности и удовлетворения потребности читателя в оперативном получении проверенной и точной научной информации, этот СТ отличается смысловой компрессией и обобщенной формой выражения знания с акцентированием его результативности.

Подчеркнем, что выявленные субтексты репрезентируют стандартное содержание ЭС в единстве составляющих ее аспектов, формируют типовую композиционно-смысловую структуру научного текста и являются его инвариантными единицами. Все описанные субтексты регулярно используются в научных произведениях различных отраслей знания и характеризуются достаточно однотипным функционированием, обусловленным универсальным эпистемическим содержанием дискурсивной деятельности в научной сфере.

Таким образом, дискурсивно-стилистический подход к изучению научного текста, опирающийся на общность методологических принципов дискурсивного анализа и функциональной стилистики, позволяет выявить механизм воплощения экстралингвистического в собственно лингвистическое и тем самым уточнить представление о смысловой организации научного текста и его архитектонике.

Список литературы

Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 7-44.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136-137.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Архангельская А.С. К проблеме индивидуального стиля в научных исследованиях // НТР и развитие художественного творчества. Л., 1980. С. 62-75.

Баженова Е.А. Научный текст как система субтекстов. Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001.

Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев, 1988.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.

Дроздова Т.В. Проблемы понимания научного текста (англоязычные экономические тексты). Астрахань, 2003.

Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Фундаментальные направления в современной американской лингвистике. М., 1997. С. 300-320.

Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1968.

Кожина М.Н. Актуальные проблемы стилистики текста в аспекте современной теории языка // Теоретические проблемы стилистики текста. Казань, 1985. С. 5-7.

Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.

Кожина М.Н. Целый текст как объект стилистики текста // Stylistyka – IV. 1995. С. 33-54.

Кожина М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стиль. СПб., 2004. С. 9-33.

Котурова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск, 1988.

Котурова М.П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв. Т. II, ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь, 1996. С. 341-370.

Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». Иркутск, 1993.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.

Погудина Э.Б. Выражение авторского «Я» в немецкой научной речи (диахронический аспект). Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1983.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.

Фуко М. Воля к истине. М., 1996.

Шиукаева Л.В. Функционирование эксплицитно выраженного модуса в современных научных текстах (сопоставительно с художественными). Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1982.

**DISCOURSE-STYLISTIC APPROACH
TO THE RESEARCH OF SCIENTIFIC TEXTS**

Elena A. Bazenova

Professor of Russian Language and Stylistics Department

Perm State University

The article reviews the correlation between the discourse theory and the theory of functional stylistics. Based on the similarity of the most important methodological principles of these linguistic directions, the author suggests these directions should be integrated in the discourse and stylistic approach. This approach is applied to scientific texts. The discourse component of this approach allows to identify extralinguistical factors of scientific communication; the stylistic component allows to discover the linguistic devices that represent the standard content of a scientific paper.

The author develops the concept of epistemical situation and considers the latter to be discourse metamodel of a scientific texts, which determines its stylistic peculiarity. The structure of epistemical situation is described with regard to the four interconnected aspects of cognitive activity: ontological, methodological, reflective, communicative-pragmatical. The author reveals the content of each aspects and analyses their influence on the sense structure of a scientific text.

The author considers the *subtext* to be a structural element of the text and describes the primary subtexts: the subtext of a new and old knowledge, the subtext of evaluation, the subtext of recipient and the author, etc.

Keywords: functional stylistics, discourse theory, scientific text, extralinguistical factors, discourse metamodel of a scientific texts, subtext.